

Н.А. НАРТОВА

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ МОЛОДЕЖИ И ИХ РОДИТЕЛЕЙ

НАРТОВА Надежда Андреевна – старший научный сотрудник Центра молодежных исследований, Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия (nnartova@hse.ru).

Аннотация. Статья посвящена анализу представлений о гражданственности в поколенческой перспективе. Опираясь на концепции повседневного гражданства и качественную методологию, в работе исследуются смыслы и интерпретации, придаваемые гражданству молодежью и их родителями в Санкт-Петербурге. Анализ эмпирического материала показывает, что молодые сформировали и разделяют относительно конвенциональную для них модель гражданства как деятельной включенной в социальные изменения в повседневном пространстве. Для родительского же поколения гражданственность, преимущественно, определяется в морально-этических категориях и проявляется через ответственную трудовую деятельность. При этом более активная и социально-ориентированная позиция молодых приводит к изменению межпоколенческого взаимодействия: не только старшие транслируют свои ценности и опыт младшим, но и наоборот.

Ключевые слова: молодежь • гражданственность • поколения • повседневное гражданство • социальное участие

DOI: 10.31857/S013216250007742-9

Гражданство, и шире – гражданственность, сложный и многомерный феномен в современном социально и политически гетерогенном мире. Концепции гражданства в академических дискуссиях и повседневной жизни множественны и зачатую противоречивы. Существенным образом трансформирующийся глобальный и национальный социальные порядки вынуждают индивидов пересматривать свои представления и опыт гражданственности, а исследователей искать новые пути концептуализации.

Одной из наиболее проблематизируемых в контексте гражданственности групп является молодежь. Снижение доверия и участия молодежи в формальной институциональной политике, по мнению исследователей, приводит к тому, что молодежь перестает мыслиться как «авангард социальных изменений» [Rheingans, Hollands, 2013]. Вместо этого жизнь молодого поколения все чаще связывается с новыми рисками в современном обществе, прекаризацией, высокой степенью неопределенности, индивидуализацией и упадком кол-лективной идентичности [там же, 2013]. Молодежь маркируется как апатичная, гедонистичная, нарцисстичная и занятая собой.

В то же время исследования показывают рост различных низовых инициатив, волонтерства, практик социального участия среди молодежи по разным направлениям [Adler, Goggin, 2005; Седова, 2014; Тютюнджи, 2012]. При этом исследователи подчеркивают: молодежное гражданское поле – это гетерогенное пространство, а степень включения в него представляет собой континuum между активистами и «обычной» молодежью [Sveningsson, 2015]. Поэтому важно уходить от аллармистских и дискредитирующих молодежь дискурсов и аналитических подходов и изучать смыслы и интерпретации гражданства самой молодежи, анализировать их опыт социального и гражданского участия.

Молодежь не существует в вакууме, она включена во множество сфер и взаимодействий, и особый интерес в этом контексте представляют внутрисемейные представления о гражданстве. С одной стороны, родители и дети принадлежат разным, существенно

отличающимся, поколениям [Радаев, 2018]. Формативный период мам и пап нынешней молодежи пришелся на позднесоветский период с его логиками проживания гражданства [Voronkov, Chikadze, 2003; Zdravmyslova, Voroncov, 2002]. Более того, родительское поколение пережило смену политических и социальных режимов, экономические кризисы, переопределение национального проекта и т.д. Современная же российская молодежь социализируется в совсем другом глобальном и локальном мире и формирует иные культуры [Омельченко, 2019; Omelchenko, Pilkington, 2013].

С другой – поколения не автономны. Внутрисемейная коммуникация родителей и детей влияет на формирование смыслов, памяти, опыта в различных аспектах жизни, среди которых и представления о гражданстве. Определяя и переопределяя свои культурные ценности, нормы, отличия, «поколенческое сознание формируется в противоречивом пространстве конкурирующих дискурсов, индивидуального и коллективного опыта переживания, а также активной работы поколенческих единиц за право “представлять” свое время» [Омельченко, Андреева, 2017: 154], в том числе и внутри семьи.

Поэтому данная статья фокусируется на анализе и реконструкции смыслов, придаваемых гражданству и гражданственности молодыми юношами и девушками и их родителями в Санкт-Петербурге. На основе 60 биографических интервью рассматриваются идеалтические представления о гражданстве двух поколений, оценка собственной гражданственности родителями и детьми и рефлексия относительно опыта другого поколения.

Гражданство в повседневной жизни. Актуальная дискуссия о гражданственности во многом вызвана наблюдаемым феноменом – молодежь перестала следовать практикам гражданского участия родителей. Исследователи отмечают, что за последние 10–15 лет интерес молодежи к участию в формальной институциональной политике существенно снизился: молодежь меньше голосует, меньше вступает в политические партии, меньше состоит в профсоюзах и т.д. [Putnam, 2000; Fahmy, 2006; Длугош, 2012; Collin, 2015; Bessant et al., 2017; GESIS, 2018]. Молодежь в отличие от старших поколений больше не рассматривает голосование как гражданский долг, а существующая сфера обсуждения и принятия политических решений кажется ей далекой и бессмысленной [Pilkington, Pollock, 2015]. Это, в свою очередь, позволило части исследователей маркировать, в том числе и российскую, молодежь, как ориентированную в первую очередь на гедонистические индивидуалистические ценности, и определить ее как «негражданское поколение» [Длугош, 2012; Бабинцев, Рeутов, 2010].

Часть исследователей подвергли критике доминирующие теоретические и методологические основания понимания гражданства как недостаточные для понимания функционирования гражданства в современном обществе. Они заявили о необходимости ухода от тезиса об апатичности молодежи, выросшего из количественного подхода в социологических исследованиях и опирающегося на ортодоксальное гегемонное представление о политике [Manning, 2013], и переключении исследовательского фокуса на качественное исследование «нового включения» молодежи с ее собственными повестками, формами организации солидарностей и коммуникации, новыми смыслами политического, гражданского и социального [Harris et al., 2007]. Это позволило увидеть, что молодые создают новые модели гражданства, базирующиеся на повседневном включении [Stevenson, 2014; Miller-Idriss, 2006; Coe, Vandegrift, 2015].

Молодежь, как показали исследования, является рефлексивной, критичной и компетентной в отношении политики, процессов в обществе, социальных проблем [Dahlgren, 2010; Bessant et al., 2017]. В то же время она действует не на традиционной политической арене, а в рамках повседневной жизни, опираясь на свой опыт и возможности, вырабатывая свои способы реализации гражданской вовлеченности, что позволяет определять ее как «повседневных деятелей» («everyday makers») [Bang, 2005].

При этом молодежь значительно расширяет репертуар форм вовлеченности и действия: от благотворительных пожертвований до развития сообщества, от подписания петиций до перформансов, от семинаров до волонтерства, и т.д. Гражданское участие и

вовлеченность молодежи, не являясь по форме традиционно политическими, тем не менее потенциально влияют и на сферу формальной политики, и на процесс социальных трансформаций [Ekman, Amna, 2012].

Понимание гражданского опыта молодежи позволило не только переопределить позицию молодежи, но и концептуально реконфигурировать исследования гражданства в целом. Перенос взгляда с нормативных предзаданных моделей на опыт и интерпретацию самих людей позволяет увидеть конвенциональные модели гражданства и сопутствующие им логики действия в повседневной жизни, в том числе их множественность и противоречивость. Данный подход лег в основу данной работы и позволил реализовать исследовательскую чувствительность не только к опыту молодежи, но и их родителей.

Эмпирическая база исследования. Эмпирическую базу статьи составляют 60 биографических интервью с двумя поколениями горожан, проживающих в Санкт-Петербурге: молодежью ($N = 28$ чел.) и взрослыми из поколения родителей и бабушек/дедушек ($N = 32$ чел.), собранных в 2016 г. в рамках проекта Центра молодежных исследований НИУ ВШЭ – СПб «Продвижение молодежного участия и социального включения: возможности и вызовы в контексте межпоколенных отношений». К участию в исследовании приглашалась молодежь, которая в настоящем или прошлом имела опыт социального включения в общественные и активистские инициативы разной направленности (социальные, экологические, креативные, политические), т.е. для которой смыслы и практики гражданственности были частью личного биографического опыта, а также их родители/прапородители вне зависимости от опыта социального участия. Индивидуальные интервью проводились по двум гайдам (для молодежи и взрослых), разработанным согласно целям исследования, включавшего, среди прочих, тему гражданственности. Все интервью записывались на диктофон, затем дословно транскрибировались и анонимизировались.

Таким образом, были собраны интервью с 17 девушками и 11 юношами в возрасте от 18 до 26 лет. На момент исследования 10 человек были студентами вузов, 2 человека получали среднее профессиональное образование, 2 – имели неоконченное высшее, а 13 – уже получили образование (9 – высшее, 4 – в колледжах и техникумах). Один информант готовился к поступлению в вуз. Все окончившие учебные заведения работали по найму или имели свое дело, половина студентов имели подработки или были заняты как фрилансеры. При этом важно отметить, что у большинства молодежи работа и сфера гражданской активности различаются.

В выборку «взрослых» вошли 32 человека, большинство из которых – родители активистов (27 чел.) в возрасте от 36 до 69 лет. Однако в некоторых семьях удалось взять интервью у третьего поколения (5 интервью с бабушками и дедушками в возрасте от 61 до 79 лет). В родительском поколении были проинтервьюированы 25 женщин и 7 мужчин, большинство из которых имели высшее образование (25 чел.), средне-профессиональное получили 6 человек, и один имел только школьное образование.

В целом в исследовании приняли участие молодежь и их родители с разным образовательным, культурным, профессиональным статусом. При этом анализ показал относительную схожесть взглядов бабушек/дедушек и мам/пап, что позволило отнести их к «родительскому» поколению. Значимых гендерных отличий в представлениях о гражданстве у молодых и взрослых не выявлено, однако обнаружена значительная разница в его понимании между молодежью и родительским поколением.

Идеал-тиปическое представление о гражданстве двух поколений. Анализ эмпирического материала показал, что основанием идеал-типической гражданской деятельности для молодых выступает сильная эмоциональная вовлеченность в страну: «Для начала нужно любить свою страну, потому что если ты её не любишь, как ты можешь считаться гражданином этой страны именно в душе, а не по паспорту? <...> А если ты любишь свою страну, ты хочешь, чтобы она стала лучше, чтобы уровень жизни стал лучше, соответственно, у тебя появляется какая-никакая гражданская позиция» (инт. № 1, жен., 20 лет).

Молодые разводят представления о государстве и стране, связывая первое с управлением аппаратом (правительством, бюрократической структурой) и определяя его как репрессивную машину, а второе – как свое социокультурное пространство. Дистанцируясь от государства, молодежь подчеркивает значимость эмоциональной связности со страной: «*Мне кажется, главное – любить свою... ну, как сказать... родину. Не любить государство Россию, а любить Россию как родину*» (инт. № 19, муж., 21 год).

При этом важно подчеркнуть, что категория «патриотизм» является для молодых неоднозначной. Доминирование в публичном пространстве риторики, связывающей государство и патриотизм, вынуждает молодых искать новые способы вербализации и интерпретации собственной включенности: «*Ну уж патриоткой точно меня назвать сложно, хотя я, да, люблю свою родную землю <...> люди, которые живут в моём городе и в моей стране, они особенные, ну, они отличаются от людей других стран, я если уеду куда-то вдруг, я буду, наверно, по ним скучать. Наверное да, да, меня можно назвать гражданкой моей страны*» (инт. № 3, жен., 21 год).

И это существенным образом отличает молодежь от их родителей. Для последних основания гражданственности гораздо чаще связывались с националистическим проектом, антимигрантскими настроениями, государственной аффилиацией и патриотизмом как долгом: «*Не знаю, быть гражданином это в первую очередь агитация, не позволить вытираять ноги о русский народ*» (инт. № 50, жен., 59 лет). При этом для родительского поколения гражданство сегодня в большей мере мыслится через морально-этические характеристики личности – быть «хорошим человеком»: «*Я думаю, что гражданином страны... быть, быть хорошим человеком, не делать другим гадостей*» (инт. № 35, жен., 54 года). «*Гражданская позиция – она в некоторой степени совпадает с законами Моисея*» (инт. № 48, жен., 55 лет).

В то время как их дети формулируют концепцию гражданства, выходящую за рамки персонифицированных личных характеристик и ответственности. Для молодежи уже недостаточно быть просто хорошим человеком. Молодые предполагают, что этому «хорошему человеку» необходимо приложить дополнительные усилия, действия, чтобы называться гражданином: «*Я думаю, что в том обществе, которое сложилось у нас, недостаточно быть просто <...> честным человеком, <...> хорошо работать, делать хорошо свое дело. А нужно делать ещё что-то сверх, потому что наше общество в общем не здорово, да? И в нездоровом обществе нужно какие-то сверхусилия прилагать, чтобы быть каким-то достойным, правильным гражданином. Поэтому мне кажется, что действительно граждане – это те, ...которые как-то проявляют свою позицию, отстаивают её, стараются как-то защищать какую-то справедливость общечеловеческую... Я ...не всех активистов, политических деятелей, прочих реально поддерживаю и вообще со всеми их словами согласен, но в целом большинство из них гораздо больше в моем представлении граждане, чем просто ...честные люди, которые там не врут*» (инт. № 13, муж., 24 года).

Для молодого поколения гражданственность – это выход за пределы индивидуального мира частной жизни. Юноши и девушки говорят о гражданстве как о «неравнодушии» к другим и происходящему вокруг, артикулируют гражданство не как замыкание в себе, а наоборот – как выход за пределы собственного комфорта, ответственность за окружающее: «*С моей точки зрения, быть гражданином – это всё-таки делать что-то не только для себя, но и для того общества, в котором ты находишься. Потому что не все успевают всем помочь, и если у тебя есть такая возможность, то тебе нужно это делать*» (инт. № 3, жен., 21 год).

Лишь немногие родители определяют гражданство схожим образом: «*Ну, настоящий гражданин – это человек неравнодушный прежде всего. Неравнодушный ко всему, что происходит в стране. ... Но гражданственность – это активная позиция. ...несмотря на то, считаешь ли, что это поможет, не поможет ...если каждый человек будет неравнодушный и как-то выскажется, и таких людей будет больше, вот тогда что-то поменяется*» (инт. № 39, жен., 48 лет).

Воплощение гражданства на практике для большинства родительского поколения определяются размышлениями о долженствовании перед государством: «*Понятно, что у*

гражданина есть обязанности перед страной. Само [слово] "гражданин" подразумевает, что он непосредственно... ячеека маленькая, человечек именно этой страны. Т.е. он неaborиген какой-то из племени, он гражданин в государстве. Естественно, у него есть права и обязанности. Вот, например, я обязана... платить налоги. Что я должна возмущаться, не платить? Пусть даже наши дороги делают плохо или что-то где-то хорошо, где-то обманут или что там... Это обязанность все-таки. Это не право. Право мое не пойти в магазин и ничего себе не купить. Вот это я не обязана делать» (инт. № 49, жен., 44 года).

Реализация гражданских обязательств для мам и пап нынешней молодежи мыслится в первую очередь через труд/работу: «Ну, и потом человек, конечно, трудится. В обязательном порядке» (инт. № 38, муж., 50 лет). «Нужно что-то делать, стараться у себя, чтобы жилось как-то лучше, как-то исправить положение, постараться, по крайней мере, какую-то лепту свою внести. <...> Через что? Ну, во-первых, трудом своим» (инт. № 51, жен., 58 лет).

Среди молодых идея долга появляется лишь в нескольких нарративах юношей и определяется как служба в армии: «Ну, мне кажется, гражданство нужно заслужить в какой-то степени. Не знаю – служба в армии, отдать некий долг родине» (инт. № 7, муж., 20 лет). А представления о реализации гражданства через работу в анализируемых нарративах молодежи совсем не проявляются. Для них гражданственность связана с рядом специальных компетенций и навыков: с рефлексивностью и критичностью, ориентацией на деятельность и отсутствием пассивности, и личной ответственностью: «Это человек, который к стране своего жительства, и к своему городу относится с любовью, заботой и критикой одновременно. ...ты не можешь закрывать глаза на какие-то вещи, на которые ... больно смотреть, ты должен на них смотреть, замечать и пытаться устранить всеми возможными способами, ты должен заботиться о мире вокруг себя: в зоне личного комфорта и за пределами ее, не только в своей квартире, но и в своем подъезде, в своем районе, должен выражать какую-то гражданскую и политическую позицию» (инт. № 10, жен., 23 года).

Подобные рассуждения переопределяют гражданство с формального политического участия на повседневное гражданское действие, гражданство «на уровне вытянутой руки» – там, где молодые могут участвовать и менять жизнь вокруг себя: «Я считаю, что, прежде всего, необходимо не молчать, если ты с чем-то не согласен. Отстаивать свою позицию, хотя бы в рамках своей семьи, своих друзей, знакомых, своего окружения. Хотя бы в рамках соцсетей. Максимально подробно, максимально аргументированно описать свою позицию» (инт. № 14, муж., 24 года); «...быть ответственным к происходящему вокруг, не обязательно в стране, хотя бы во дворе и в городе, следить за обстановкой и стараться сделать её как-то лучше» (инт. № 15, муж., 21 год).

Приватизированное социальное гражданство рассматривается молодежью не только как легитимное, но и как более безопасное. Эта тенденция прослеживается и усиливается еще с 2012–2013 гг. [Krupets et al., 2017]. Однако индивидуальный, рутинный уровень гражданской включенности в представлениях молодых не исключает потенциальной мобилизации и массовой солидаризации в определенные моменты: «Я вообще-то не считаю, что все люди должны по первому щелчу сниматься с места, выходить на улицу. Потому что иначе у них бы просто жизни не было никакой. А всё-таки люди не так устроены, всё-таки им своя жизнь дороже, чем какое-то там. Но в экстремных случаях, да, наверное, в каких-то случаях. Это логически понимаешь, что существованию там – ну, всё то, в чём живем – уже угрожает: и правам человека, и общественному договору и всему остальному» (инт. № 4, жен., 22 года).

Для родителей политическое проявление гражданства тоже выступает проблематичным в отличие от социального, ориентированного на личную эмпатию, помочь и участие: «Господи, да вотолько социальных проектов, куда хочешь – туда иди. С политикой сложнее, конечно, потому что сейчас это очень опасно, тебя могут ни за что посадить. Но, в принципе, гражданственность – это не только политика, это и социальное, не пройди мимо в метро, там помоги кому-нибудь» (инт. № 39, жен., 48 лет).

Родительское поколение, пережившее смену политических и социальных режимов, преодолевшее кризисы, и чья повседневная жизнь включает большую долю ответственности за семью и детей, декларирует очень персонифицированную модель гражданства, основанную на национальной принадлежности и долге. Молодое же поколение, выросшее в иных условиях (относительное материальное благополучие, обеспеченное родителями, глобализация, стабильный, но во многом репрессивный политический национальный режим), сформировало новую конвенцию о реализации гражданской активности. Почти для всех молодых участников нашего исследования представление о проявлении гражданственности, подкрепленное своим опытом и опытом ровесников, видится как расширенная ответственность и деятельность на повседневном уровне, ориентированная на изменение уклада (условий, отношений и т.д.) в доступном для осмыслиения и влияния социальном пространстве. Логика «я участвую там, где могу что-то изменить», с одной стороны, сужает горизонты гражданской активности, с другой – побуждает к действию, ведь если есть возможность, надо ее использовать. Родители рассматривают гражданство через долг и труд, дети – через участие, как неравнодущие и как действие. При этом отсутствие идеи работы/наемного труда в представлении молодых о гражданстве не влечет за собой маркирование ими гражданской активности как досуговой деятельности. Несмотря на то что многие из наших информантов имели оплачиваемую работу, не связанную с их гражданской деятельностью, последняя не воспринималась как способ проведения свободного времени. Социальная активность и активизм выступают как значимая часть человеческой деятельности в целом.

Рефлексия о собственном гражданстве родителями и детьми. Производимые представления о гражданстве выступают осью референции для оценки собственного гражданства как для молодежи, так и для взрослых. Для молодых основным является деятельный аспект. Поэтому многие, имеющие опыт активистской деятельности, юноши и девушки в нашем исследовании довольно позитивно оценивают свой опыт гражданского участия для себя лично и уверенно называют себя гражданами: «Для меня проблемы России сейчас на первом месте, и проблемы, которые я вижу... если мне удастся какую-то микроскопическую часть из них решить, тогда уже подумаю, но гражданкой России я могу [быть], считаю, что я довольно много сделала» (инт. № 10, жен., 23 года). «Гражданином чувствую, когда делаю что-то во благо кого-то другого или чего-то другого, просто во благо или просто во благо места, в котором живу, например» (инт. № 5, жен., 22 года).

Для родителей гражданство, как уже было сказано выше, связывается в первую очередь с неким морально-этическим кодексом личности, с частной ответственностью за себя. По отношению к этим идеям они и оценивают свое гражданство, артикулируя соответствие заявленным принципам: «Среди моего окружения <...> наверное нету таких людей, которых я бы считала, что они лишены гражданской позиции, они все работают, все не воруют, все честно исполняют свой долг, воспитывают детей» (инт. № 48, жен., 55 лет). «Я считаю, что я просто делаю что-то очень маленькое, но нужное в формате своей семьи. Я занимаюсь воспитанием своих детей, потому я хоть чуть-чуть могу считать себя гражданкой» (инт. № 31, жен., 45 лет). «Я стараюсь быть гражданином. Тоже не всегда получается, к сожалению, но, конечно, я стараюсь, потому что по крайней мере мусор на улице я не оставляю и грязь за собой тоже не оставляю. ...стараюсь поставлять хорошие товары, чтобы люди не обижались, покупатели были довольны» (инт. № 54, жен., 53 года).

Несмотря на то что последняя информантка артикулирует некоторую неуверенность в собственной гражданственности, для родительского поколения в целом не свойственны сомнения относительно гражданской идентичности. Некоторым достаточно даже формальной привязки: «Все-таки как ни крути, я гражданин, в таком записном виде что ли, я гражданин России все-таки. Ну, и родственники тоже так понимают, что мы граждане страны нашей» (инт. № 44, муж., 68 лет).

В отличие от взрослых молодежь, предъявляющая довольно высокие эмоциональные и компетентностные требования к гражданской позиции и активности, в большей степени

выражает критичность к собственному гражданству. Подчеркивая таким образом процес-суальность становления гражданином, необходимость вложения (временных, личност-ных и т.д.) ресурсов: «Ну, то есть я пытаюсь что-то делать, но я чувствую, что пока мне... то есть началось всё, наверное, довольно недавно... я чувствую, что мне пока не хватает каких-то знаний, каких-то связей, каких-то вещей. Ну, то есть не хватает некоторой базы» (инт. № 2, жен., 20 лет). «Такие ситуации были, но я считаю себя тем самым недоразвитым гражданином, который только постепенно, потихонечку встает с колен и очень неуверен-но стоит на ногах. Потому что я мало знаю, плохо могу аргументировать в каком-то споре, на какую-то сложную тему. Т.е. у меня какое-то интуитивное понимание права или нет, но слишком мало образованна» (инт. № 11, жен., 24 года). «...у меня есть какая-то внутренняя неуверенность, потому что одно дело это декламировать, да, то есть говорить – о, я граж-данин! А другое дело как бы понимать, реально несет ли твоя деятельность, правильный, с твоей точки зрения, выхлоп. И я смогу сказать, что да, я гражданин, прям четко-четко, только когда я пойму, есть этот выхлоп или нет» (инт. № 6, жен., 23 года).

Неравнодушие к происходящему, включенность в сообщество, ответственность су-щественным образом расширяют для молодежи родительское представление о граж-данине как «хорошем человеке». Представление о себе связывается и с гражданским участием: «Ну, то, что я стараюсь в случае каких-то острых проблем искать пути к исправ-лению, какого-то даже действия. Вот даже история с мостом [название снято]. Несмотря на то что не получилось повлиять на эту ситуацию, я чувствую досаду, что не получилось повлиять, но не чувствую стыда именно за себя, потому что я знаю, что я и регистрировал своих друзей в социальных сетях, заказал тоже плакат к массовому мероприятию и тоже помогал в его организации» (инт. № 15, муж., 21 год).

Представления о гражданстве между молодым и взрослым поколениями суще-ственно расходятся. Родители (как ответственные за семейную социализацию) высказы-вают мнение, что гражданина нужно воспитывать: «...человек не рождается граждани-ном, он им становится. Как можно? Да, ну, воспитание, книги, личные мысли – башкой надо думать» (инт. № 38, муж., 50 лет). В первую очередь это касается воспитания де-тей, вернее молодого поколения: «Во-первых, я считаю, что гражданина нужно воспиты-вать с детства. Потому что у нас, в общем-то, ни одного поколения свободного не было, я считаю, все были под влиянием какой-то той или иной идеологии, которая преподноси-лась как единственная возможная» (инт. № 29, жен., 42 года).

И как результат внутрисемейного взаимодействия в рассуждениях молодых мы ви-дим некоторое присутствие родительского дискурса о «хорошем человеке»: «Ну, вот ты живешь, ты должен понимать, где ты живешь, у тебя есть какие-то свои правила, ну, есть правила общества, в котором ты должен соблюдать. Ну, наверное, самое главное – это не навредить тому обществу. Быть достойным человеком. И чтобы тебе самому не было стыд-но за себя. Как-то так» (инт. № 16, жен., 20 лет).

Однако можно отметить и обратный процесс – когда молодые влияют на старшее поколение своими представлениями, азартом и включенностью вызывают уважение: «Ну, [сына] я могу назвать гражданином, он так переживает за общество, мне даже не верится. Он даже раньше был гораздо меньше... Я говорю: "Чем ты таким собираешься занимать-ся?" – "Обществом, а кто еще? Хочу, чтобы все стало лучше". Я уж не помню дословно-то» (инт. № 41, жен., 61 год). Вызывают доверие: «...в редакции молодые ребята. И они очень активно выступают, [находят] всякие недостатки и сразу начинают выступать, причем явно, иногда поперек администрации. Вот мне это нравится. Т.е. молодежь, которую можно рука-ми и ногами поддерживать. Поэтому я стал их отслеживать, когда они мелькают в голосова-нии и прочее, я знаю, что это ребята не просто так, а толковые» (инт. № 44, муж., 68 лет). Расширяют горизонты гражданского участия: «Конечно, мы ходим с [дочерью] с мужем, и даже с мужем, когда вот убили Немцова, т.е. вот эти какие-то акции, которые происходят, не на все, но мы ходим» (инт. № 29, жен., 42 года).

Каждое из поколений оценивает себя как граждан, опираясь на собственные представления, и в целом не испытывают напряжений по поводу своей гражданской идентичности и сопутствующих ей практик. В тоже время межпоколенческое взаимодействие представляет собой не нисходящую вертикальную трансляцию норм и ценностей, а взаимонаправленные процессы влияния поколений друг на друга. При этом молодежь, собственные дети зачастую мыслятся родителями как более открытые, мобильные, заинтересованные. И отчасти другие.

Заключение. Наше исследование, проведенное в Санкт-Петербурге, показало, что юноши и девушки, имеющие опыт участия в активистских инициативах разных направлений, сформировали и разделяют относительно конвенциональную для них модель гражданства как деятельной включенности в социальные изменения в повседневном пространстве. В представлениях молодых петербуржцев гражданственность – это неравнодушие, непассивность, рефлексивность к окружающему их миру. Гражданская включенность основывается на чувстве эмоциональной связанности со страной. Иными словами, привязанность к стране, любовь к ней становятся основанием критического, рефлексивного осмыслиения происходящего и намерения что-либо менять.

Для родительского же поколения гражданственность, преимущественно, определяется в морально-этических категориях – быть хорошим человеком – и проявляется через ответственную трудовую деятельность в рамках представления о гражданском долге перед страной. И собственное гражданство родители оценивают в первую очередь по соответствию заданным критериям, говоря о себе как о честных и трудолюбивых людях, отвечающих за свои семьи, платящих налоги и тем самым выполняющих свои гражданские обязательства.

Более активная и социально-ориентированная позиция молодых приводит к изменению межпоколенческого взаимодействия: не только старшие транслируют свои ценности и опыт младшим, но и наоборот. Более того, гражданская позиция молодых, в том числе собственных детей, вызывает уважение и признание у зачастую скептически настроенных родителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ [REFERENCES]

- Бабинцев В.П., Реутов Е.В. Самоорганизация и «атомизация» молодежи как актуальные формы социокультурной рефлексии // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 109–115. [Babintsev V.P., Reutov E.V. (2010) Self-organization and «Atomization» of Youth as Relevant Forms of Sociocultural Reflection. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No.1: 109–115. (In Russ.)].
- Длугош П. Негражданское поколение? Анализ политической активности молодежи Польши, России и Украины // PolitBook. 2012. № 2. С. 6–20. [Dlugosh P. (2012) Non-civilian Generation? Analysis of the Political Activity of Youth in Poland, Russia and Ukraine. *PolitBook*. No. 2: 6–20. (In Russ.)].
- Омельченко Е.Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 3–27. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.01. [Omelchenko E.L. (2019) Is the Russian Case of the Transformation of Youth Cultural Practices Unique? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1: 3–25. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.01. (In Russ.)].
- Омельченко Е.Л., Андреева Ю.В. Что остается в семейной истории: память о советском сквозь разговор трех поколений // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 147–156. DOI: 10.7868/S0132162517110162. [Omelchenko E.L., Andreeva Ju.V. (2017) What Remains in Family History: the Memory of the «Soviet» in the Conversation of Three Generations. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 11: 147–156. (In Russ.)].
- Радаев В.В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029. [Radaev V.V. (2018) Millennials Compared to Previous Generations: an Empirical Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3: 15–33. 10.7868/S0132162518030029. (In Russ.)].
- Седова Н.Н. Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71. DOI: 10.19181/socjour.2014.2.495. [Sedova N.N. (2014)

- Civil Activism in Modern Russia: Formats, Factors, and Social Base. *Sotsiologicheskiy zhurnal [Sociological Journal]*. No. 2: 48–71. DOI: 10.19181/socjour.2014.2.495. (In Russ.).
- Тютюнджи И.М. Новые формы социального активизма // Социологические исследования. 2012. № 5. С. 149–153 [Tutundzhi I.M. (2012) New Forms of Social Activism. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 5: 149–153. (In Russ.)].
- Adler R.P., Goggin J. (2005) What Do We Mean by «Civic Engagement»? *Journal of Transformative Education*. Vol. 3. No. 3: 236–253. DOI: 10.1177/1541344605276792.
- Bang H. (2005) Among Everyday Makers and Expert Citizens. In: Newman J. (ed.) *Remaking Governance: Peoples, Politics and the Public Sphere*. Bristol: Policy Press: 159–179.
- Bessant J., Farthing R., Watts R. (2017) *The Precarious Generation. A Political Economy of Young People*. London; New York: Routledge.
- Coe A.-B., Vandegrift D. (2015) Youth Politics and Culture in Contemporary Latin America: A Review. *Latin American Politics and Society*. Vol. 57. No. 2: 132–153. DOI: 10.1111/j.1548-2456.2015.00271.x.
- Collin P. (2015) *Young Citizens and Political Participation in a Digital Society. Addressing the Democratic Disconnect*. Hampshire; New York: Palgrave Macmillan.
- Dahlgren P. (ed.) (2010) *Young Citizens and New Media. Learning for Democratic Participation*. New York; London: Routledge.
- Ekman J., Amnå E. (2012) Political Participation and Civic Engagement: Towards a New Typology. *Human Affairs*. Vol. 22. No. 3: 283–300. DOI: 10.2478/s13374-012-0024-1.
- Fahmy E. (2006) *Young Citizen: Young People's Involvement in Politics and Decision Making*. Hampshire: Ashgate Publishing Ltd.
- GESIS. (2018) National Report level 2 (Collection of short comparative country reports). Project: PROMoting Youth Involvement and Social Engagement: Opportunities and Challenges for 'Conflicted' Young People across Europe. URL: <http://www.promise.manchester.ac.uk/wp-content/uploads/2018/07/National-reports-using-secondary-data-analysis-by-GESIS-May-2018.pdf> (accessed 03.10.2019).
- Harris A., Wyn J., Younes S. (2007) Young People and Citizenship: An Everyday Perspective. *Youth Studies Australia*. Vol. 26. No. 3: 19–27.
- Krupets Y., Morris J., Nartova N., Omelchenko E., Sabirova G. (2017) Imagining Young Adults' Citizenship in Russia: from Fatalism to Affective Ideas of Belonging. *Journal of Youth Studies*. Vol. 20. No. 2: 252–267. DOI: 10.1080/13676261.2016.1206862.
- Manning N. (2013) 'I Mainly Look at Things on an Issue by Issue Basis': Reflexivity and Phronésis in Young People's Political Engagements. *Journal of Youth Studies*. Vol. 16. No. 1: 17–33. DOI: 10.1080/13676261.2012.693586.
- Miller-Idriss C. (2006) Everyday Understandings of Citizenship in Germany. *Citizenship Studies*. Vol. 10. No. 5: 541–570. DOI: 10.1080/13621020600954978.
- Omelchenko E.L., Pilkington H. (2013) Regrounding Youth Cultural Theory (in Post-Socialist Youth Cultural Practice). *Sociology Compass*. Vol. 7. No. 3: 208–224 DOI: 10.1111/soc4.12023.
- Pilkington H., Pollock G. (2015) Politics Are Bollocks': Youth, Politics and Activism in Contemporary Europe. *The Sociological Review*. Vol. 63. No. S2: 1–35. DOI: 10.1111/1467-954X.12260.
- Putnam R.D. (2000) *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon and Schuster.
- Rheingans R., Hollands R. (2013) 'There is no Alternative?': Challenging Dominant Understandings of Youth Politics in Late Modernity through a Case Study of the 2010 UK Student Occupation Movement. *Journal of Youth Studies*. Vol. 16. No. 4: 546–564. DOI: 10.1080/13676261.2012.733811.
- Stevenson N. (2014) Cultural Citizenship in the «Cultural» Society: a Cosmopolitan Approach. *Citizenship Studies*. Vol. 7. No. 3: 331–348. DOI: 10.1080/136210203200098904.
- Svenningsson M. (2015) 'I Wouldn't Have What It Takes': Young Swedes Understandings of Political Participation. *Young*. Vol. 24. No. 2: 139–156. DOI: 10.1177/1103308815603305.
- Voronkov V., Chikadze E. (2003) Different Generations of Leningrad Jews in the Context of Public/Private Division: Paradoxes of Ethnicity. In: Humphrey R., Muller R., Zdravomyslova E. (eds) *Altered Lives and Broken Biographies: Biographical Research in Eastern Europe*. London: Palgrave: 239–259.
- Zdravomyslova E., Voroncov V. (2002) The Informal Public in Soviet Society: Double Morality at Work. *Social Research*. Vol. 69. No. 1: 49–69.

CITIZENSHIP AS UNDERSTOOD BY ST.PETERSBURG YOUNG PEOPLE AND THEIR PARENTS

NARTOVA N.A.

National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, Russia

Nadezhda A. NARTOVA, Senior Research Fellow, Center for Youth Studies, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg, St. Petersburg, Russia (nnartova@hse.spb.ru).

Acknowledgements. This article results from a research project implemented as a part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE).

Abstract. The problematization of youth citizenship from the perspective of participation in traditional institutionalized politics not only questions the relevance of the dominant theoretical and methodological grounds for studying citizenship in modern conditions, but also calls for a new look at youth as a generation, including their parents. The article is devoted to the analysis of ideas about citizenship in the generational perspective. Based on the concepts of everyday citizenship developed in youth research and a qualitative methodology, the work explores the meanings and interpretations of citizenship as part of personal experience by young adults (18–26 years) and their parents in St. Petersburg. The ideal-typical ideas about citizenship and the reflection on one's own citizenship are consistently discussed. The analysis of empirical material shows that young people have formed and share a relatively conventional model of citizenship as active involvement in social changes in everyday space. For the parent generation, citizenship is predominantly defined in moral and ethical categories and is manifested through responsible labor activity. At the same time, a more active and socially oriented position of youth leads to a change in intergenerational interaction: not only older generation transmit their values and experience to the younger, but also vice versa.

Keywords: youth, citizenship, generation, everyday citizenship, social involvement, civil engagement.

Received: 22.09.19. Final version: 04.10.19. Accepted: 07.10.19.